

НАРЦИССИЗМ ИЛИ НЕКРОФИЛИЯ?

Журавлева Светлана Михайловна,

кандидат философских наук, доцент,

доцент кафедры гуманитарных дисциплин

Алтайского государственного аграрного университета,

Россия, 656049, г. Барнаул, пр. Красноармейский, 98

ORCID: 0000-0002-8370-7604

jurav27@yandex.ru

Аннотация

Предметом настоящей статьи является анализ понятий, методов и культурологических тезисов, содержащихся в статье П.А. Ореховского, В.И. Разумова «Наступление нарциссической культуры: последствия для образования, науки и политики», опубликованной в 13-м томе журнала «Идеи и идеалы» (№ 3, часть 1 за 2021 год). Показывается произвольное использование авторами основных понятий – «высокая» культура и «нарциссическая» культура. Отмечено, что философская методология в рассматриваемой статье в принципе отсутствует и заменена неким «культурологическим методом», суть которого подобна постмодернистской игре в концепты, где всё связано со всем и может объясняться, как угодно автору.

Критическому разбору подвергнуты основные утверждения авторов, а именно:

- 1) критерием «высокой» культуры является ее признание большей частью человечества;
- 2) массовая культура XX века, вопреки критике философов, – это высокая культура;
- 3) организация жизни и досуга в индустриальном капиталистическом обществе – это пример рациональной организации;
- 4) служение институтам духовного производства народу – это рядовой, банальный фактор массовой культуры вообще (в том числе западной);
- 5) в современной культуре произошел «эпохальный сдвиг» в сторону социального нарциссизма;
- 6) индивидуализм в предпринимательстве, разрушение классических стандартов иерархии и дисциплины в образовании, превращение политики в театр при поддержке «молчаливого большинства» и отсутствии протестных настроений, популярность здорового образа жизни – это признаки неотвратимо наступившей нарциссической культуры;
- 7) «культурный (или социальный) нарциссизм» может быть «здоровым».

В заключении нами обосновывается тезис, что более точным психоаналитическим определением социальных тенденций современной культуры будет не нарциссизм, а некрофилия, которая проявляется в предпочте-

нии мертвого, бездушного и механистического, упорядоченного всему живому, буйно растущему, неупорядоченному и неподконтрольному.

Ключевые слова: высокая культура, массовая потребительская культура, нарциссизм, нарциссическая культура, некрофилия, некрофильная культура.

Библиографическое описание для цитирования:

Журавлева С.М. Нарциссизм или некрофилия? // Идеи и идеалы. – 2022. – Т. 14, № 1, ч. 1. – С. 230–244. – DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.1.1-230-244.

Введение

Нынче все философствуют, и философия поэтому в современной России явно переживает упадок. Сегодня в аспирантуру по философии может поступить каждый, кто имеет высшее образование и сдаст несложный вступительный экзамен. Такие «ученые-философы», как правило, являются узкими специалистами и сциентистами со всеми вытекающими последствиями. Их характерные черты:

– предпочтение научной терминологии и методологии, сопровождающееся неприятием или непониманием (вольной трактовкой, неправильным толкованием и применением) языка и методов как классической, так и современной философии;

– отсутствие серьезной историко-философской и теоретико-методологической подготовки;

– склонность к узкой специализации в ущерб системному познанию и мышлению;

– позитивистская недооценка метафизических классических проблем философии с одновременной переоценкой значения всего современного и «прогрессивного», будь то технологии, популярные научные теории, политические идеи или философские концепции.

Еще в первой трети XX века Мартин Хайдеггер озвучил скандальный тезис, что «наука не мыслит» [4, с. 137], она исчисляет по формуле. Мышление – это напряженное выведывание истины, самостоятельное, как движение путника по проселочной дороге. Другой путник может пройти этой же дорогой, но это будет его путь, и дорога откроется ему по-другому (или не откроется), ведь можно идти с разной степенью внимательности к окружающему. Ученый-философ по привычке опирается на костыли научной терминологии и методологии. Его ум стреножен формулами и пресловутой «научной рациональностью». Он не свободен и поэтому «не может мыслить так, как мыслят мыслители» [4, с. 137]. Зачем изобретать самому, когда есть формула? Такие «узкоспециализированные» философы видят в философии в лучшем случае науку (или раздел науки – философия ма-

тематики, философия физики и т. д.), в худшем случае – возможность познавать реальность в более свободном ключе, минуя жесткие требования и рамки, заданные научной рациональностью. Они смело «философствуют», объясняя всё и вся, подгоняя под свои *ad hoc* гипотезы любые факты, забывая часто о логических аргументах, весомых основаниях и убедительных доказательствах.

Философия с самого своего зарождения отличалась критичностью ко всему очевидному, и в первую очередь к собственным посылкам и выводам. Философия в современном изложении часто страдает как раз отсутствием критичности и самокритичности. Философские тезисы зачастую слабо обоснованы и подменяются произвольной ссылкой на англоязычного автора, при этом намеренно сложно сформулированы и оторваны от действительности.

Всё это привело к утрате философией ее формировавшегося веками авторитета как серьезного и критического, глубокого и обоснованного мышления о вечных проблемах мироздания, определяющих насущное бытие человека. И в первую очередь философию перестали уважать сами ученые из-за методологической размытости, неконкретности и некорректности употребления понятий, поверхностности и недостаточной обоснованности суждений. Даже постмодернизм на фоне этого потока «гуманитарщины» является поистине философским продуктом, потому что постмодернистская деконструкция тотальных метафизических установок предполагает как минимум знание этих установок (то есть классическое философское образование) плюс владение словом, наблюдательность, нетривиальность мышления, чего не скажешь о многих текстах, выдаваемых за философию в наших философских журналах.

В свете вышесказанного острокритическую реакцию вызвал у меня текст доктора экономических наук П.А. Ореховского и доктора философских наук В.И. Разумова, напечатанный в журнале «Идеи и идеалы» [1], претендующий на осмысление трансформаций современной культуры, названной авторами «нарциссической» (термин взят из классической работы Эриха Фромма «Душа человека» [3]). В данной статье сразу бросается в глаза методологическая и понятийная размытость. Во введении, например, авторами утверждается наличие системного мирового кризиса, который они почему-то называют «постмодернизмом»(!), и ставится задача «описать *хотя бы* контуры его (кризиса) *концепции*», для чего предполагается целесообразным «найти сходную по разнообразию и внутренней связности *конструкцию*¹» [1, с. 86]. После таких сомнительных утверждений сразу возникают вопросы: контуры объективно существующего кризиса или его концепции? Кризис – это программа или системный сбой программы?

¹ Здесь и далее курсив наш.

Это планомерно запущенный сбой или результат недальновидной политики мировых элит? То есть совершенно непонятно, о какой «концепции кризиса» идет речь. Или ее еще нет, но авторы хотят ее сформулировать?

Тогда закономерен вопрос: *всё ли можно описать концепцией?* Да еще и привлекая для этого «сходную по разнообразию и внутренней связности конструкцию!» Привлекать конструкцию для понимания какой-то концепции необходимо только в одном случае – если используется метод аналогии. Именно в нем за основу познания берется внешнее, или структурное, или иное сходство между неизвестным, требующим познания объектом, и уже познанным. Но авторы в статье метод аналогии не упоминают и не используют! Зато здесь же, во введении, в качестве методологической основы своего исследования авторы обозначают некий «культурологический подход», не объяснив никак его суть, лишь сославшись на его частое употребление в «современных коммуникативных практиках интеллектуалов», которым «весьма свойственно употреблять указания на разные аспекты в предметах, целях и задачах, результатах» [1, с. 86]. Видимо, в этих «указаниях на разные аспекты» и заключается суть подхода, только назвать его надо тогда не культурологическим, а остенсивным.

На самом деле этот обозначенный как «культурологический» подход напоминает одну известную постмодернистскую «игру», предложенную Умберто Эко в романе «Маятник Фуко» [5]. В нем интеллектуалы, работающие редакторами в научном издательстве и «наевшиеся» гуманитарщины и «безответственной писанины», которую приносят в редакцию многочисленные авторы, разработали компьютерную программу, в которую можно вносить отдельные слова, словосочетания и предложения из совершенно разных областей знания – от автомобилестроения до детской литературы, от железнодорожного справочника до богословия и Каббалы – и получать на выходе некий текст (одну из множества возможных комбинаций введенных в программу слов), выглядящий в целом осмысленным и даже содержащим Откровения. Напомню, что у Эко в романе персонажи сами поражены тем результатом, который они получили: *при наличии познавательной интенции всё можно связать со всем*. И в качестве остроумного примера такой универсальной взаимосвязи герой У. Эко соединил «Правила для водителей категории В» и каббалистическое Древо Сефирот [4, с. 437]. Думается, что этот пример отлично иллюстрирует суть пресловутого «культурологического подхода», для которого «весьма свойственно употреблять указания на разные аспекты в предметах...» [1, с. 86].

В разделе статьи, названном «Культура и массовая культура», авторы определяют культуру через этимологию, как возделывание природы, и выделяют два типа отношений к природе, которые не называют, но только описывают. В философской традиции эти отношения давно обозна-

ченны, например, как утилитарное и неутилитарное, или в экзистенциализме как Dasein (со-бытие с природой в гармоническом единстве, бытие-понимание, бытие-забота) и дизайн (потребительское, украшающее и часто уничтожающее естественность ради искусственного замысла). Показательно, что эти типы отношений к природе в следующем абзаце называются разными «культурами». Авторы пишут: «Поэтому даже разговор о природе в наше время ведется в рамках *тех или иных культур*, с которыми ассоциируют себя исследователи» [1, с. 87]. То есть это уже не «типы отношений к природе», а культуры. Причем их, как следует из дальнейшего текста, уже не две, а много («те или иные»), и называются они «культурами идентификации», и противоречия между ними «служат основой политических различий и в конечном счете культурных (а заодно и межгосударственных) войн» [1, с. 87].

Далее, утвердив (на примере отношения к природе) наличие множественности культур, авторы, вслед за неким Инглтоном, признают наличие и некой «высокой Культуры, признаваемой большей частью человечества»² [1, с. 87]. Образцом этой «высокой» культуры в XX веке была, по мнению Ореховского и Разумова, массовая культура (!). Именно она, как уверенно объясняют авторы, сформировала типаж человека-потребителя и привела к «трансформации экономики на всеобщее потребление» [1, с. 88]. На наш взгляд, называть массовую культуру «высокой» – это довольно сомнительный тезис, который необходимо обосновать. Тот факт, что она привела к трансформации мировой экономики, еще не означает, что она «высокая».

Тем более философским, логическим аргументом не является количественный фактор – «признание большей частью человечества». Если опираться на количественный фактор как на критерий «высокости», тогда самой «высокой» во все времена была народная, или «площадная» (в определении Платона), культура.

Вместо ожидаемых аргументов авторы критикуют вырванный из смыслового контекста отрывок из «Восстания масс» Ортеги-и-Гассета, в котором испанский философ говорит о варваризации европейской культуры. Варваризация, как следует из отрывка, проявляется в утрате рациональности. «Идеи» массового человека не системны и посему не могут называться культурой, – вот тезис Ортеги [2, с. 71], названный авторами статьи «пессимистическим нытьем» [1, с. 87]. Бессмысленно говорить о культуре, рассуждает испанский философ, когда игнорируются правила, а именно, когда в полемике отсутствует уважение к рациональным аргументам и мнению оппонентов; в искусстве, торговле или политике отсутствует система правил, к которой можно апеллировать (речь идет о торговом праве, эстетических

² За скобками оставим вопрос: почему именно некий Инглтон для наших авторов в этом вопросе авторитет?

и этических критериях поведения и коммуникации) [2, с. 72]. Авторы выступают с критикой данной мысли Ортеги в защиту человека массы и его культуры, проявлявшейся, как им кажется, не в отсутствии правил, а, наоборот, в преувеличении роли правил. В качестве примеров приводится научная организация труда и досуга в СССР и «рационализации и оптимизации (жизни) в стиле Ф. Тейлора и Г. Форда» [1, с. 88].

Во-первых, некорректно опровергать суждения Ортеги примерами из жизни в СССР, потому что испанец писал о европейской культуре. Во-вторых, в СССР наибольшее внимание уделяли развитию личности в человеке, именно поэтому массовой культуры (в ортеговском смысле «восстания» серости, безответственности и потребительства) в Советском Союзе не было. В-третьих, жесткая эксплуатация на заводах Г. Форда (названная авторами «оптимизацией») не может быть контрпримером варваризации. Наоборот, эксплуатация работника на конвейере в наибольшей степени способствовала одичанию населения, лишённого свободного времени, необходимого для образования и развития личности. В-четвертых, наличие (и даже преувеличенное значение) правил и иерархии еще не говорит о рациональности этих правил и этой иерархии. Когда сам Ортега сетует на утрату рациональности в культуре, странно приводить в качестве контрпримера стандартизованность и оптимизацию. Ведь меня могут заставить совершать бессмысленные действия, и это не будет рациональной организацией жизни только потому, что я совершаю это каждый день, то есть подчиняюсь некоему «порядку». Если этот «порядок» абсурден, разрушителен для личности и общества, то правильно назвать его не рационализацией жизни, а подавлением рациональности жизни и эксплуатацией. Такой «порядок» «усредняет» человека, делает его банальным потребителем, безответственным и эгоистичным, равнодушным к истине и общему благу. И это – варваризация.

Ортега-и-Гассет здесь абсолютно прав. А вот авторы не правы, называя лозунг «наука (искусство) должна служить народу» «банальностью в рамках массовой культуры» [1, с. 88]. Этот лозунг – отнюдь не банальность, а великое достижение вовсе не массовой, а советской культуры. Она в целом, как это становится всё более очевидным в постсоветской России, была направлена на благо народа. Народу служила не только наука, но и образование, и промышленность, и искусство. И такое служение наличествовало *только* в Союзе. А на Западе и наука, и промышленность, и остальные сферы духовного и материального производства служили и служат в первую очередь промышленникам и банкирам, т. е. капиталу, а не народу. Поэтому то, что авторы пишут про «нарциссическую» культуру XXI века, на самом деле не ново и было уже в XX и даже XIX веке – при капиталистической системе ценностей. А именно: «Наука – это не служба, а предмет договор-

ных отношений, имеющий свою цену» [1, с. 89]. Под этим утверждением подписались бы и Никола Тесла, и Томас Эдисон, активно пользовавшиеся институтом патентов, который и давал им средства на научную деятельность и на жизнь³.

Итак, главная идея авторов статьи, противопоставивших массовую «высокую» культуру XX века (которая на поверку оказалась не массовой, а уникальной советской культурой, ориентировавшей личность человека на общее благо и служение) современной нарциссической культуре (с ее культом свободы и индивидуализма, внедрением экономизма во все сферы общества, в том числе в духовное производство), оказалась ложной из-за размытости методологии исследования и нечеткости понятий. Более правильным было бы противопоставить советскую, действительно «высокую» культуру массовой капиталистической, стирающей индивидуальность человека и превращающей его в безликого потребителя. Но это давно сделано, здесь нет ни новизны, ни оригинальности⁴.

Нарциссизм в психоанализе – это самолюбование, любовь к себе. Попытка авторов обозначить этим термином «эпохальный культурный сдвиг» [1, с. 95] является слабо обоснованной гипотезой. В качестве доводов авторы приводят некоторые тенденции современной жизни: популярность здорового образа жизни [1, с. 95–96], индивидуалистическая идеология предпринимательства [1, с. 93–95], разрушение классических стандартов иерархии и дисциплины в образовании [1, с. 90–91], превращение политики в театр при поддержке «молчаливого большинства» и отсутствии протестных настроений [1, с. 96–97]. Однако все эти примеры иллюстрируют скорее не нарциссизм в культуре, а повсеместную *власть капитала* в ней⁵. Нарциссизм же именно как некоторая *особенность психики индивидов* действительно стал распространенным в развитых странах (в том числе в

³ Патентное бюро также было местом встречи бизнеса и науки, позволяя бизнесу легко находить и покупать права на новые изобретения и технологии для внедрения их в производство.

⁴ Кстати, авторы отмечают как неадекватные и устаревшие научные работы, всерьез призывающие вернуть советское образование с его процедурами распределения выпускников [1, с. 95]. Это желание, по их мнению, вызвано отсталостью отечественного общественного сознания, которое во многом еще «не отрефлектировало произошедшие эпохальные культурные сдвиги» [1, с. 95]. Очередной спорный тезис. Призывы вернуть советскую систему образования, по-моему, признак не отсталости, а продуманности позиции, поскольку эта система была передовой по всем параметрам, и особенно по качеству знаний и приобретаемым ценностно-мировоззренческим характеристикам личности.

⁵ «Здоровый» образ жизни навязывается рекламой, потому что это большой рынок специальных товаров. Не каждый может себе позволить пить витамины каждый день или посещать спортзал. Всё это в первую очередь способы отъема денег у населения. Да и польза многих препаратов весьма сомнительна. И даже если эта польза реальна, то убийственная для всего живого экология современных мегаполисов сводит ее на нет. Здоровый образ жизни только в рекламе дает эффективные плоды, в реальной жизни это зачастую дорогой самообман.

некоторых регионах России, находящейся в течение последних четырех веков под влиянием европейской цивилизации) в связи с проявлением таких тенденций, как чрезмерное развитие индустрии красоты; повышение уровня комфортности существования большей части населения; изменение структуры и состава семьи (все больше семей сознательно бездетных или с одним ребенком); минимизация личных контактов между людьми (из-за занятости и технологий); эмансипация женщин и их занятость на работе, исключающая возможность тесно и много общаться с ребенком (даже новорожденным) и многое другое. Все эти особенности современной цивилизации и привели к изолированности, индивидуализму и в конечном счете к распространению психологии нарциссизма в *личностном* развитии.

Заикленных на себе и замкнутых на свои интересы и желания субъектов становится всё больше. В этом нет сомнений. Однако констатировать *социальный* нарциссизм да еще называть его «эпохальным культурным сдвигом», который, по убеждениям авторов, неотвратим и непобедим, вряд ли есть основания. Когда авторы пишут о дискредитации научного знания и интеллектуального труда как о следствиях нарциссической культуры, приводя примеры неуважения студентами научного опыта и авторитетного мнения да и просто личности профессора, то это не нарциссизм, а элементарное отсутствие культуры, помноженное на стремление к самоутверждению. Это именно то, о чем писал критикуемый авторами Хосе Ортега-и-Гассет: «восстание масс», презирающих авторитетные мнения, культуру и науку. Неуважение журналистами мнения ученого экспертного сообщества, которое излагается вперемешку с мнениями популярных актеров, певцов и политиков – это тоже «восстание масс» против высокой культуры. Да и в целом неуважение к науке и к интеллектуальному труду, отрицание объективности истины (есть только точки зрения, и моя ничем не хуже академика), разврат и распущенность (как результат поиска всё новых удовольствий)⁶, вырождение политических и религиозных институтов (из всего массы делают шоу) – всё это лишь признаки «восстания масс», отмеченные гениальным испанцем почти 100 лет тому назад, в 1930 году!

Также авторы рассматривают в качестве признаков нарциссизма «смерть экспертизы в XXI веке», кризис доверия ко всем институтам власти [1, с. 97], «самоизоляция (абсентеизм) экспертов» [1, с. 92], чувствующих себя «угнетаемым меньшинством» и отгородившихся поэтому от общества и его проблем. Однако эти признаки вызваны вовсе не нарциссизмом, а отмеченным Ортегой отсутствием во всех слоях социума рациональных критериев истины, особенно у представителей институтов власти (политиков, чиновников) и проводников их намерений – журналистов. Как эксперты

⁶ У наших авторов это названо «легитимацией гедонизма и эгоцентризма» [1, с. 94].

будут полемизировать с чиновником или журналистом, если рациональные критерии истины этим последним неизвестны (или намеренно игнорируются)? Демократия никогда не интересовалась истиной. Ей важно количество голосов, а количество зависит от умелой манипуляции желаниями электората, от актерских качеств лидеров партий и предвыборного популизма. Об этом и рассуждал Ортега в критикуемом авторами отрывке, называя эти отсутствующие в обществе рациональные критерии истины «системой», «сводом правил, к которым можно апеллировать в споре». Именно наличие этих рациональных правил, признаваемых всеми критериев истины и отличает культуру от варварства. Нет правил – нет и культуры [2, с. 71–72].

И уж совсем трудно согласиться с авторами, что «культурный (или социальный) нарциссизм» (если с натяжкой принять этот термин) может быть «здоровым»⁷, т. е. продуктивным для развития общества. Обратимся к источнику термина. В психоанализе Фрейда и Фромма нарциссизм играет важную *биологическую* функцию наряду с половым инстинктом и инстинктом самосохранения. Фромм пишет: «Биологически с точки зрения выживания человек должен воспринимать себя как нечто гораздо более важное, чем всё его окружающее. Если он этого не будет делать, откуда он возьмет энергию и желание защищаться от других, работать для поддержания своего существования, бороться за свою жизнь и добиваться успеха в борьбе с окружающей средой? Без нарциссизма он, вероятно, был бы святым, – но велик ли шанс на выживание у святых?» [3, с. 53–54].

Фромм действительно убедительно обосновывает биологическую продуктивность нарциссизма. Однако трудно согласиться с авторами, что нарциссизм может выполнять хоть какую-то положительную *социальную* функцию. Так, по Фромму, групповой нарциссизм – это фанатизм, ненависть к инакомыслию, обожествление лидера, самопрославление, недостаток объективности и способности к разумному суждению [3, с. 61–62]. Именно проявления группового нарциссизма, согласно Фромму, способствовали тому, что мир не раз оказывался на грани тотального разрушения [3, с. 61]. И тем не менее авторы в заключении не отрицают возможность «нового расцвета», к которому приведет «молодая нарциссическая культура», «толерантная и всеядная»⁸ [1, с. 98].

Эрих Фромм, равно как и Ортега-и-Гассет, гениально провидел многие культурные перемены и сдвиги сознания, свидетелями которых мы сейчас являемся. И авторы статьи о нарциссической культуре несомненно пра-

⁷ Цит.: «В отличие от мыслителей франкфуртской школы, мы не пытаемся ставить диагноз современному обществу: вполне возможно, что в XXI веке в России доминирует как раз “здоровый” нарциссизм» [1, с. 90].

⁸ Тоже, кстати, весьма спорный тезис. Вряд ли эти две последние характеристики кого-то или что-то могут привести к расцвету!

вы в одном (хоть это и не новая мысль): всё происходящее с культурой и обществом, с сознанием и бессознательным современного человека нуждается в философской рефлексии. Другое дело, что эта рефлексия не запаздывает, как кажется авторам статьи⁹, она уже существует. Нужно только более внимательно и обстоятельно изучать труды философов, не вырывая из контекста их отдельные мысли и идеи. И уж если подыграть авторам в их постмодернистской игре в культурологические концепты и концепции, то не менее, а может, и более точным психоаналитическим определением современной культуры, отражающим специфические перемены в образовании, науке, экономике и политике, будет не нарциссизм, а **некрофилия**.

Некрофилия – это любовь к мертвому. В психоанализе Фрейда и Фромма это понятие используется для обозначения сексуальной перверсии, проявляющейся в желании обладать мертвым телом или находиться вблизи трупа. Однако Эрих Фромм использует это понятие и для обозначения социальных проявлений личности, когда человек или группа людей ненавидят жизнь и прославляют смерть. В личностном аспекте проявлением некрофилии является желание говорить о болезнях, похоронах, смерти; влечение к трупам, грязи, нечистотам; специфические сны, где превалируют убийства, насилие, кровь. В социальном аспекте *некрофилия проявляется в предпочтении мертвого, бездушного и механистического, упорядоченного – всему живому, буйно растущему, неупорядоченному и неподконтрольному*. Эрих Фромм выделяет несколько важных черт социальной некрофилии: жизнь прошлым, а не будущим [3, с. 31]; холодность; приверженность формальному «закону и порядку»; установка на силу, поскольку всякая сила покоится на власти убивать [3, с. 31–32]. Фромм говорит, что некрофилия необязательно проявляется в осознанном стремлении убивать. Но если один человек хочет отнять у другого свободу, хочет унижить другого или отобрать у него имущество, то за всеми этими акциями так или иначе стоит способность и готовность убивать. «Кто любит мертвое, неизбежно любит и силу. ...Применение силы не является навязанным ему обстоятельствами преходящим действием – оно является его *образом жизни*» [3, с. 32]. Некрофил не знает, как обуздать жизнь по-другому, привести ее к тотальному и бездушному механистическому порядку.

Давайте посмотрим на некоторые тенденции современной российской (и не только) действительности, которые несут явную некрофильную окраску.

Во-первых, явно некрофильными чертами обладает капитализм с его культом денег, когда ради прибыли (по сути, мертвых материальных ценностей – денег, ценных бумаг, драгоценных металлов) приносятся в жерт-

⁹ Цит.: «...несмотря на обилие работ по теме культуры, ее собственные трансформации значительно опережают их рефлексивные осмысления» [1, с. 86].

ву здоровье и благополучие как отдельных людей, так и целых народов. Живые люди не существуют для капиталиста. Для него существуют только эффективные или неэффективные поставщики прибыли. Эффективных поощряют для стимуляции их деятельности, неэффективных увольняют или устраниают. Некрофильный капитализм презирает всех слабых, инициативных и неэффективных. Он не будет заботиться о людях. Каждый сам должен думать о себе, дабы не быть выброшенным за борт.

Во-вторых, власть технологий над людьми – это типичная некрофильная любовь к механистическому порядку. Таково, например, стремление властей полностью контролировать жизнь людей – их перемещения, покупки, предпочтения, вкусы. Сюда же относится введение всяких кодов, разрешающих перемещение людей по определенной территории, строительство заборов, размещение видеокамер.

В-третьих, можно указать на культ «цифры» во всех отраслях современной жизни, когда живые люди и их интересы приносятся в жертву разным рейтингам. Яркий пример – ситуация, сложившаяся в российских вузах, финансирование которых теперь зависит от места в рейтинге, а одним из показателей хорошего рейтинга является наличие иностранных студентов. И вузы из российских провинций набирают на бюджетные места студентов из Узбекистана и Таджикистана, а детям местных жителей могут предложить только платное обучение.

В-четвертых, в современной системе образования можно выделить и другие некрофильные тенденции, проявляющиеся в стремлении унифицировать уникальный процесс живого общения учеников с учителем. Учителей завалили рутинными отчетами и написанием никому не нужных программ. Какая именно тема развивает ту или иную компетенцию – разве это важно для получения знаний? Увлеченный учитель способен зажечь учеников жаждой познания, и это самый лучший результат, который не может быть достигнут через мертвое следование рабочей программе.

В-пятых, некрофильные тенденции можно заметить и в здравоохранении. Самой некрофильной является практика замены органов живого человека на аналогичные, изъятые у трупа. Но даже обычная терапия сейчас механистична. Современный врач при лечении болезни руководствуется стандартными инструкциями, по сути, прописывая разным пациентам одни и те же лекарства. Никакая самодеятельность в лечении не приветствуется, да она еще и влечет личную ответственность врача в случае неадекватного исхода. В типовом лечении врач всегда может оправдать себя тем, что почти всем оно помогает, а исключения – это уже личная проблема самих пациентов. Получается, что в некрофильной медицине нет никакой разницы: что в поликлинику сходить, что в Интернет за консультацией. И там и тут пропишут аналогичные препараты.

В капиталистическом мире все, кто не имеют достаточного количества денег¹⁰ (а это подавляющее большинство людей), попадают в некрофильную цивилизацию, где в людях никто не видит людей, но видят только средства для достижения прибыли и удовлетворения желаний. Всё это и приводит к тем тенденциям, которые отмечены Ореховским и Разумовым в качестве признаков нарциссической культуры: политической пассивности, самоизоляции, нежеланию (потому что нет возможности) чего-то изменить («вялый протест») [1, с. 92]. Сам Фромм связывает пассивность населения, выражающуюся в отсутствии протестных выступлений даже по тем проблемам, которые касаются жизни каждого (разнообразные ущемления прав человеческой личности, экономические проблемы, даже угроза ядерной войны), с тем, что многие современные люди «безразличны по отношению к жизни» и более того, «многие испытывают влечение к мертвому» [3, с. 43].

Фромм в работе «Душа человека» приводит множество примеров, иллюстрирующих связь между некрофилией и современным индустриальным (а теперь уже постиндустриальным) обществом. Это бюрократизация жизни; бесконечные убийства по телевидению; поклонение вещам, в ходе которого «мы превращаем самих себя в предметы потребления» [3, с. 43]¹¹. Это также и предпочтение механических аппаратов живым людям при получении удовольствий¹²; использование в обыденной речи фразеологизмов «смертельно влюблен», «убийственно влечет», «это меня просто убивает» и т. п. Вывод Фромма таков: «человек не создан вещью, он гибнет, если становится вещью, и, прежде чем это случится, он впадает в отчаяние и хочет уничтожить жизнь» [3, с. 43]. Отсюда и политическая пассивность («да гори всё синим пламенем!»), и манифесты некрофильного искусства, воспевающего многоплановое разрушение традиций и культуры ради мнимого прогресса и трансгуманистического будущего.

Впрочем, оставим в стороне игры в культурологические концепции и вернемся к статье Ореховского и Разумова. Их, с одной стороны, следует поблагодарить за остроту поставленных проблем и интеллектуальную смелость, но, с другой, пожелать более взвешенных и обоснованных теоретических суждений, четкой методологии исследования, а также более бережного обращения с историко-философским материалом.

¹⁰ Деньги дают их владельцу право на уникальность, т. е. право быть и считаться человеком, личностью. Это касается в первую очередь базовых потребностей – жилье, еда, одежда, образование, медицинское лечение. Если денег нет, то человек нивелируется в массу, в потребителя стандартных наборов услуг.

¹¹ Пропаганда гомосексуализма в развитых странах тоже выступает ярким примером некрофильного социума, ведь такие союзы бесплодны, т. е. не способны продолжать и создавать жизнь.

¹² Об этом сейчас свидетельствует и резкий рост спроса на андрондов, используемых в качестве сексуальных партнеров. Даже всерьез обсуждается проблема законодательной защиты прав этих андрондов.

Литература

1. Ореховский П.А., Разумов В.И. Наступление нарциссической культуры: последствия для образования, науки и политики // Идеи и идеалы. – 2021. – Т. 13, № 3, ч. 1. – С. 84–102. – DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.3.1-84-102.
2. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. – М.: АСТ, 2016. – 256 с.
3. Фромм Э. Душа человека, ее способность к добру и злу. – М.: Республика, 1992. – 430 с. – С. 13–108.
4. Хайдеггер М. Что значит мыслить? // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. – М.: Высшая школа, 1991. – С. 134–145.
5. Эко У. Маятник Фуко: роман. – Киев: ФІТА, 1995. – 752 с.

Статья поступила в редакцию 09.11.2021.

Статья прошла рецензирование 20.12.2021.

DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.1.1-230-244

NARCISSISM OR NECROPHILIA?

Zhuravleva, Svetlana,

Cand. of Sc. (Philosophy), Associate Professor,

Associate Professor at the Department of Humanities

Altai State Agrarian University,

98 Krasnoarmeysky Prospekt, Barnaul, 656049, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-8370-7604

jurav27@yandex.ru

Abstract

The subject of this article is the concepts, method and cultural theses contained in the article by Orekhovskiy P.A., Razumov V.I. "The Onset of Narcissistic Culture: Consequences for Education, Science, Politics", published in the 13th volume of the journal "Ideas and Ideals" (No. 3, Part 1, 2021). The authors' arbitrary use of the basic concepts of 'high' culture and 'narcissistic' culture is shown. The philosophical methodology in the article is basically absent and replaced by a kind of 'cultural method', the essence of which is similar to a post-modern game of concepts, where everything is connected with everything and can be explained as the author pleases.

The main statements of the authors are subjected to critical analysis, namely:

- 1) the criterion of 'high' culture is recognition by the majority of humanity;
- 2) the mass culture of the twentieth century, contrary to the criticism of philosophers, is a high culture;
- 3) organization of life and leisure in an industrial capitalist society is an example of a rational organization of life;
- 4) the service of the spiritual production institutions to the people is an ordinary, banal factor of mass culture in general (including Western);
- 5) in modern culture there has been an 'epochal shift' towards social narcissism;
- 6) individualism in entrepreneurship, the destruction of classical standards of hierarchy and discipline in education, the transformation of politics into a theater with the support of the 'silent majority' and the absence of protest moods, the popularity of a healthy lifestyle are signs of an inevitably narcissistic culture;
- 7) 'cultural (or social) narcissism' can be 'healthy'.

In conclusion, the thesis is substantiated that a more accurate psychoanalytic definition of the social trends of modern culture will not be narcissism, but necrophilia, which manifests itself in the preference of the dead, soulless and mechanistic, orderly – to all living, rampantly growing, disordered and uncontrolled.

Keywords: high culture, mass consumer culture, narcissism, narcissistic culture, necrophilia, necrophilic culture.

Bibliographic description for citation:

Zhuravleva S. Narcissism or Necrophilia? *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2022, vol. 14, iss. 1, pt. 1, pp. 230–244. DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.1.1-230-244.

References

1. Orekhovsky P., Razumov V. Nastuplenie nartsissicheskoi kul'tury: posledstviya dlya obrazovaniya, nauki i politiki [The Onset of Narcissistic Culture: Consequences for Education, Science and Politics]. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2021, vol. 13, iss. 3, pt. 1, pp. 84–102. DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.3.1-84-102.
2. Ortega y Gasset J. *Vosstanie mass* [The Revolt of the Masses]. Moscow, AST Publ., 2016. 256 p. (In Russian).
3. Fromm E.S. *Dusha cheloveka, ee sposobnost' k' dobru i zlu* [The Heart of Man, its genius for good and evil]. Moscow, Respublika Publ., 1992. 430 p. (In Russian).
4. Heidegger M. Chto znachit myslit'? [What does it mean to think?]. Heidegger M. *Razgovor na proselochnoi doroge* [A conversation on a country road]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1991, pp. 134–145. (In Russian).
5. Eko U. *Mayatnik Fuko* [Foucault's pendulum]. Kiev, ФІТА Publ., 1995. 752 p. (In Russian).

The article was received on 09.11.2021.

The article was reviewed on 20.12.2021.